

К.А. Болдовский,
научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН.

Практика взаимодействия органов Главлита, партийного руководства и органов КГБ в регионах в конце 1950-начала 1960-х годов: по материалам Ленинграда.

Сведения об авторе: Болдовский Кирилл Анатольевич, к.и.н., научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); bold63@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется практика работы органов цензуры, управления КГБ и аппарата обкома КПСС по идеологическому контролю издательской деятельности в период конца 1950-х – начала 1960-х годов в Ленинграде. Цензурные органы подчинялись указаниям партийного руководства и выполняли его распоряжения. Органы КГБ собирали информацию о идеологических нарушениях и докладывали ее обкому партии, который принимал окончательное решение о запрете публикаций. Во многих случаях запреты имели тенденциозный, избирательный характер. Самостоятельная, несогласованная деятельность органов цензуры по запрету публикаций вызывала недовольство партийных руководителей. Это было одной из причин освобождения от должности руководителя Обллита Н.А. Соколова в 1960 г. Выводы статьи основаны на архивных документах ленинградского обкома КПСС.

Ключевые слова: цензура, Главлит, идеологический контроль, ленинградский обком КПСС, ленинградское управление КГБ.

Название на английском. The ways of regional cooperation between Glavlit, the CPSU leaders and KGB during the late 1950-s and the beginning of 1960-s: based on Leningrad materials

Сведения об авторе на английском. Boldovskiy Kirill, Candidate of History; Researcher, Saint Petersburg's Institute of History of Russian Academy of Science (Saint Petersburg, Russia); bold63@mail.ru

Abstract: In the article, the author analyzes activities of the censorship agencies, Leningrad regional committee of the CPSU and Leningrad regional directorate of KGB on ideological control over printing and publishing in Leningrad during 1950-s – 1960-s. Censorship agencies obeyed instruction of party leaders and executed their orders. Usually KGB collected the information about ideological breaches and reported to the Party. Leningrad regional committee of the CPSU made decisions on prohibition of publishing based on this information. Often interdictions were tendentious and prejudiced. Party managers were dissatisfied by independent, incoordinate actions of the censorship agencies. It caused in 1960 a dismissal of the Obllit chief N.A. Sokolov. The conclusions of the article based on the archival documents of Leningrad regional committee of the CPSU.

Keywords: censorship, Glavlit, ideological control, Leningrad regional committee of the CPSU, Leningrad regional directorate of the KGB.

Вторая половина 1950-х гг. стала временем активного реформирования во многих сферах социально-политической жизни Советского Союза. Одним из магистральных направлений реформ было усиление влияния партийного аппарата в политической и административной областях. Именно партийный аппарат, в первую очередь ЦК КПСС, стал определять главные направления деятельности государственных органов и осуществлять активный контроль за их работой. На региональном уровне местные партийные руководители получили больше полномочий по контролю за деятельностью организаций и учреждений центрального подчинения. Практика взаимодействия местных структур центральных органов и регионального руководства стала в полной мере характеризоваться принципом двойного подчинения. Региональное управления государственных структур, в том числе таких влиятельных, как МВД и КГБ, были обязаны отчитываться не только перед своим московским руководством, но и перед местными партийными лидерами. Новая обстановка подразумевала обязательное согласование всех сколько-нибудь значимых мероприятий с региональными партийными аппаратами, которые должны были принимать на себя и долю ответственности за политическую обстановку на вверенной им территории. Любые несогласованные действия рассматривались теперь как попытка выйти из-под партийного контроля и незамедлительно пресекались.

Эти тенденции в полной мере сказались и на практике взаимодействия региональных органов Главлита с аппаратом местных парторганизаций. Современные исследователи обращали внимание на сюжеты, связанные с перестройкой деятельности цензурных органов в период 1953-1966 гг., но опубликованные к настоящему времени работы¹ еще не касались проблем, связанных с повседневной практикой партийного контроля деятельности региональных органов цензуры. Безусловно, процесс налаживания новой системы взаимоотношений в значительной степени зависел от региональной специфики. Для такого крупнейшего научного и культурного центра, как Ленинград, где существовало большое поле для деятельности цензуры, было практически неизбежным возникновение трудностей в разграничении сфер влияния и налаживании конструктивного взаимодействия между партийными органами и учреждениями цензурного контроля.

Противоречия между аппаратом обкома партии и руководством ленинградского цензурного ведомства стали накапливаться примерно с 1956 г. Одна из главных причин недовольства руководителей ленинградского партаппарата заключалась в том, что органы цензуры самовольно, без предварительного уведомления и согласования вмешивались в деятельность издательств, редакций и других организаций, подведомственных отделу пропаганды и агитации обкома КПСС. Аппаратное противостояние, как это часто бывает, быстро персонифицировалось. Обком партии связывал невнимание к вопросам взаимодействия с партийными органами, проявляемое, по его мнению, со стороны Обллита, с персональной позицией руководителя ленинградской цензуры Н.А. Соколова. Подобная практика персонализации отдельных недостатков была достаточно выигрышным ходом в аппаратной борьбе. Её использование позволяло достичь сразу нескольких целей. Во-первых, противоречия между государственными и партийными органами затушевывались, сводились к непониманию новой политической обстановки, проявляемому отдельными руководителями. Таким образом, сформировалось мнение о том, что, в целом здоровый коллектив действует не совсем правильно только из-за позиции руководителя, который не понимает или не желает принять новых политических реалий. Во-вторых, показательное наказание конкретного руководителя действовало как сильное средство убеждения для остальных представителей государственных органов в регионе. В-третьих, при проверке деятельности главы того или иного ведомства всегда можно было найти административные недостатки, формально не связанные с истинными причинами его отстранения от должности. Все эти факторы в полной мере проявились при отстранении Н.А. Соколова. Его персональная позиция осложнялась еще и тем, что он пришел к руководству ленинградской цензурой в октябре 1949 г., т.е. в период разгара чисток т. н.

¹ См., например, Виноградов М.С., Зеленев М.В. Эволюция структуры и штатов управления по охране военных и государственных тайн в печати при Горьковском облисполкоме (Обллит, 1953-1966 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 1. С. 100-106; Зеленев М.В. Главлит в системе органов власти и управления: цензура после Сталина. 1953-1966 гг. // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15-17 октября 2015 г. М.: РОССПЭН; Ельцин-центр, 2016. С.140-154.

«ленинградского дела», сменив на этом посту А.Г. Чахирева, работавшего начальником Леноблгорлита с июня 1945 г. Деятельность ленинградской цензуры в целом и Н.А. Соколова в частности, в этот период осуществлялась под неусыпным вниманием нового партийного руководства Ленинграда и, персонально первого секретаря обкома партии В.М. Андрианова. После снятия Андрианова и выступления Н.С. Хрущева в Ленинграде весной 1954 г., посвящённого анализу причин и последствий ленинградского дела, для ленинградских партийных руководителей было чрезвычайно выгодным возложить вину за перегибы, совершённые в ходе чисток, на конкретных исполнителей, особенно из тех ведомств, которые напрямую не подчинялись ленинградскому партаппарату. Этим они как бы снимали себя часть ответственности за действия прошлых лет.

Естественно, если бы Н.А. Соколов проявил необходимую гибкость и смог бы сработаться с партийным руководством в новой обстановке, его аппаратная судьба могла бы быть иной. Однако, судя по всему, он слишком понадеялся на независимость своего ведомства и поддержку московского начальства. Его позиция проявилась, в частности, в том, что он недостаточно активно советовался с работниками аппарата обкома по вопросам, входящим в его компетенцию и не воспринимал их указания в качестве «руководства к действию». Расчет на заступничество со стороны центра оказался, однако, ошибочным. Новый руководитель Главлита П.К. Романов, занявший пост весной 1957 г. и работавший до этого в аппарате ЦК партии, целиком и полностью встал на сторону ленинградского партийного руководства. В своем письме в ленинградский обком партии он практически дословно повторил формулировки из докладной записки направленной тем же ленинградским обкомом в адрес ЦК КПСС: «Тов. Соколов в аппарате обкома почти не бывает, никаких крупных вопросов перед областным комитетом не ставит, мало информирует обком партии о положении дел в Обллите и печати области <...>. Тов. Соколов потерял лицо руководителя и не в состоянии обеспечить руководство управлением»².

Нельзя сказать, что Н. А. Соколов не пытался противодействовать и не стремился обнаружить какие-либо компрометирующие факты, характеризующие слабый контроль обкома партии над редакциями и издательствами. Однако, эти его действия были использованы для его же компрометации. Например, в акте комиссии по проверке деятельности Обллита указывалось, что его руководитель единолично принял решение о запрете публикаций, которые, по его мнению, носили недостаточно партийный характер. В документах обкома партии указывалось, что к подобного рода публикациям Н.А. Соколов относил научные статьи, представленные для рассмотрения в редакцию научного журнала Ленинградского университета, посвящённые проблемам развития социалистической системы в странах Восточной Европы. Очевидно, что тексты этих статей были предварительно согласованы с соответствующими

² ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп. 114. Д. 108. Л. 199.

партийными инстанциями. Поэтому, вмешательство цензурных органов на завершающем этапе публикации выглядело очевидным противоречием и вызывало резкое противодействие партийных чиновников, предварительно одобривших публикацию. В ряде других случаев руководитель ленинградской цензуры самовольно запрещал публикации в художественных журналах, мотивируя это «низким литературным уровнем» представленных текстов. Как следует из документов обкома партии, Н.А. Соколову неоднократно указывалось на то, что в его должностные обязанности не входит определение художественной ценности представленных для рассмотрения текстов: «В проведении работы с издательствами Обллит в ряде случаев грубо нарушал требования Постановления ЦК КПСС от 3 апреля 1957 г. и Положение о Главлите СССР³. Согласно этим документам, органы цензуры обязаны о всех встречающихся в печати положениях, содержащих политические ошибки или искажающие политику нашей партии, информировать Главлит СССР и местные партийные органы и лишь с их санкции предпринимать какие-либо действия по исправлению этих ошибочных положений и тем более давать рекомендации издательствам»⁴.

Наиболее впечатляющим фактом вмешательства цензурных органов в деятельность подведомственных отделу пропаганды и агитации обкома партии организаций стала проверка режима соблюдения государственных тайн, произведенная по инициативе Н.А. Соколова в музее В.И. Ленина. В отчёте об этой проверке сообщалось, что в книге отзывов посетители оставляли сведения о своих местах работы. При этом, по мнению цензурных органов, нарушались требования инструкций о сохранности государственных и военных тайн, потому что отдельные посетители указывали наименования воинских частей и организаций.

Следует отметить, что в последний период своей деятельности Н.А. Соколов, видимо, почувствовав, что над ним сгущаются тучи, стал активнее обмениваться информацией с обкомом. Именно к этому периоду относится случай с публикацией в «Вестнике хирургии» статьи профессора Ф.Г. Углова, рассказывающей о поездке на научную конференцию в США. В этой статье, как указывалось в письме Облита в обком КПСС, «рассказывая о прекрасном оборудовании хирургических клиник в США, об отличном уходе за больными и выздоравливающими, о самых совершенных приборах, применяемых для операций, автор ни слова не говорит о том, что это медицинская помощь платная, стоит очень дорого и недоступна трудящимся»⁵. По мнению цензуры, статья «носила объективистский характер». Как указывается в письме, после требования переработать статью она была представлена на контроль без исключения не понравившийся цензорам строк. В справке, подготовленный по итогам проверки этого сообщения, отдел пропаганды и агитации обкома КПСС указал, что ознакомление со статьей подтвердило правильность мнения

³ Положение о Главлите СССР было утверждено Советом министров СССР 24 февраля 1958 г. См. подробнее: Зеленев М.В. Главлит в системе органов власти..., С. 148-151.

⁴ ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп. 114. Д. 108. Л. 194.

⁵ ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп. 113. Д. 164. Л. 22-23.

Обллита: «в статье ни словом не упоминается о том, что медицинская помощь в США недоступна трудящимся». После вмешательства обкома партии «недостатки статьи в окончательной редакции были устранены»⁶. Впрочем, этот отдельный факт уже не мог помочь Н.А. Соколову удержаться на своём посту.

Аппаратное противостояние развивалось явно не в пользу Н.А. Соколова. Многочисленные письма обкома партии в адрес ЦК КПСС привели к тому, что в начале 1960 г. Главлит направил комиссию для проверки деятельности своего ленинградского подразделения. Комиссия не только подтвердила факты, изложенные ранее в письмах обкома партии, но и выявила недостатки внутри ленинградских цензурных органов. В акте, подготовленном по итогам проверки, указывалось, что крайне плохо было поставлено «дело воспитания и повышения уровня политического образования работников».

По результатам проверки Главлит принял решение об отстранении Н.А. Соколова от должности. Сменивший его летом 1960 г. Ю.М. Арсеньев, закончивший обучение в Академии общественных наук при ЦК КПСС, до этого работал в том самом отделе пропаганды и агитации ленинградского обкома партии, работники которого и были главными противниками «самодельности Обллита и его начальника». Таким образом, противостояние закончилось победой партийных аппаратчиков, что, впрочем, было достаточно ожидаемо в новой политической обстановке.

Руководящая роль партийных органов в деле идеологического контроля, окончательно закреплённая к началу 1960-х гг., в полной мере проявилась при решении конкретных вопросов, относящихся к борьбе с нездоровыми настроениями. Руководство обкома партии и аппарат его отдела пропаганды и агитации выступали в качестве окончательных арбитров при принятии решений о тех или иных запрещениях или изъятиях в печати по идеологическим мотивам. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что в начале 1960-х гг. в Ленинграде сложилась устойчивая система взаимодействия в триаде Управление КГБ – обком КПСС – Облгорлит. При этом, в большинстве случаев, органы цензуры выполняли указания обкома, даже тогда, когда инициатива по тому или иному вопросу исходила от управления КГБ. Эту практику можно проиллюстрировать конкретным и весьма характерным примером. В октябре 1960 г. начальник управления КГБ В. Т. Шумилов обратился в обком КПСС с письмом, в котором описывалась деятельность «еврейского националиста» Л. В письме указывалось, что Л. «прикрываясь патриотическими чувствами, направил в Министерство иностранных дел СССР ряд писем с предложением переселить из Советского Союза в Израиль часть лица еврейской национальности якобы для пропаганды советского образа жизни и одновременно просил разрешить ему выезд в Израиль». Л., как сообщалось далее, «в настоящее время по договору с издательством «Профтехиздат» собирает материалы для издания

⁶ ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп. 113. Д. 164. Л. 32.

своей брошюры «Мастера в семилетии». Принимая во внимание политические и идеологические неправильные взгляды Л<...>, просим Вас воспрепятствовать в издании указанной брошюры»⁷. Секретарь обкома партии Б.А. Покровский поручил заведующему отделом пропаганды и агитации А.П. Филиппову выяснить, где будет публиковаться брошюра Л. Филиппов в справке о выполнении поручения указал, что «о политическом лице автора доведено до сведения Главлита», после чего «главный редактор издательства <...> сообщил, что им приняты соответствующие меры, чтобы расторгнуть договор с Л. и отказаться от издания его книжки»⁸. Этот конкретный случай показывает сложившуюся практику взаимодействия и распределение ответственности. Органы КГБ не стали обращаться непосредственно в Главлит, предоставив право принятия окончательного решения партийному аппарату.

В другом случае совместные действия обкома партии и управления КГБ были направлены не против отдельного автора, а касались целого издательства. Летом 1960 г. управление КГБ направило в обком партии письмо, в котором сообщалось о недостатках в работе ленинградского отдела Государственного строительного издательства (Госстройиздат). Информация, приведённая в письме, носила явно тенденциозный характер, весь документ был составлен явно на основе сведений, полученных от единственного источника, по всей видимости, лично заинтересованного в изменении редакционной политики издательства.

Это становится ясно из анализа текста документа. Приведем несколько цитат: «В настоящее время ленинградским отделом Госстройиздата готовится к печати учебник для ВУЗов «История строительной техники». Подготовленная к изданию книга, по мнению нашего источника, содержит ряд серьезных недостатков. Главным образом эти недостатки сводятся к ненаучному и непартийному подходу к изложению фактического материала. Весь курс истории строительной техники разбит авторами на разделы по видам работ, без учета диалектического анализа исторических процессов и марксистской периодизации истории. Разделы не отражают приоритеты русской и советской науки и в ряде случаев авторы прибегают для иллюстрирования тех или иных вопросов к ненаучным положениям буржуазных ученых. Например, автор Смирнов вопреки утверждениям советских ученых отрицает самобытность русского зодчества и проповедует реакционные взгляды Константина Тона, который считал, что русское зодчество обязана целиком и полностью византийцев, без которых оно не могло бы существовать. В другом случае Смирнов пишет, что первое в мире колесо было изобретено и применено в Египте, хотя советская археология доказала, что первое колесо было изобретено на территории СССР. <...> По мнению нашего источника, который ознакомился с этим проектом, книга нуждается в коренной переработке и замене части авторского коллектива при

⁷ ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп. 114. Д. 123. Л. 116.

⁸ ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп. 114. Д. 123. Л. 118.

одновременном пересмотре всех разделов с точки зрения Постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах». <...> Источник отмечает, что за последнее время Госстройиздат издал ряд книг, который ничего нового не дали строителям и были изданы из меркантильных соображений»⁹. Несмотря на ярко выраженную пристрастность оценок, позиция «источника» получила поддержку в партийных сферах. В октябре того же года в справке отдела пропаганды и агитации обкома КПСС его заведующий сообщал: «В настоящее время рукопись учебника <...> перерабатывается. После переработки она будет представлена в обком партии, в отдел строительства и стройматериалов на просмотр. С редактором Ленинградского отделения Госстройиздата состоялась беседа по существу вопросов, поставленных в письме. Приняты меры к укреплению редакции специалистами строителями»¹⁰.

Если в области идеологических нарушений цензурные органы выполняли решения обкома партии, инициированные КГБ, то в вопросах охраны государственных и военных тайн они проявляли известную самостоятельность, что иногда приводило к конфликтным ситуациям. Так, например, весной 1965 г. ленинградские цензоры выступили решительно против демонстрации по телевидению документального фильма «Утро на стапеле», посвящённого работе судостроительных предприятий города, мотивируя это тем, что в фильме имеются свидетельства того, что на конкретных предприятиях Ленинграда производится техника военного назначения. Управление КГБ в этом конфликте приняла сторону тележурналистов, указав, что никакого разглашения секретных сведений в фильме не происходит. Однако цензурные органы не только не прислушались к этому мнению, но и направили жалобу на вмешательство в их деятельность в адрес своего московского руководства. В этой ситуации обком партии поддержал цензоров, что объясняется, скорее всего, тем, что в данном случае речь шла о необходимости конкретных изъятий, мотивированных не идеологическими причинами, а требованиями инструкций по защите секретной информации¹¹.

В целом, в начале 1960-х гг. в Ленинграде сформировалась устойчивая система идеологического контроля в которой принимали участие как партийные органы (в первую очередь, отдел пропаганды и агитации обкома партии), управление КГБ и органы цензуры. При этом, после смены руководства ленинградского Обллита, деятельность цензурных подразделений целиком и полностью ориентировалась на позиции партийного аппарата. Работники обкома партии принимали окончательное решение о запрете тех или иных сомнительных, с их точки зрения, публикаций. К ним обращались за помощью и работники КГБ, в случаях, когда было необходимо принять те или иные административные меры. Партийные руководители действовали как самостоятельно, оказывая нужное воздействие руководство

⁹ ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп. 114. Д. 123. Л. 75-77.

¹⁰ ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп. 114. Д. 123. Л. 80.

¹¹ ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп. 130. Д. 19. Л. 40-73.

издательств, так и прибегая к помощи цензуры. В подавляющем большинстве случаев руководство обкома КПСС выступало в качестве последней, окончательной инстанции при реализации тех или иных запретительных мероприятий.